УДК 821.161.1Страх7Чехов:364.624.6

DOI 10.37972/chgpu.2020.109.4.002

О. К. Евдокимова

ДОМИНАНТНЫЙ КОНЦЕПТ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «СТРАХ»

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена рассказу А. П. Чехова «Страх» (1892), а в центре внимания – проблема изучения особенностей созданного писателем художественного мира посредством концепта в его литературоведческом понимании. Концепт «страх» выступает в качестве доминантного в анализируемом произведении. Рассказ «Страх» нечасто становится предметом отдельного изучения в чеховедении, между тем в этом произведении выражено одно из преобладающих настроений чеховского времени и соответственно социально-психологический тип поведения, ставший характерным для русского общества в конце XIX века. В работе представлена история вопроса в связи с понятием «концепт» и рассказом «Страх» в современном литературоведении. Особый акцент сделан на содержании анализируемого концепта, который является принципиально важным для понимания картины мира, созданной писателем в своих прозаических произведениях в конце XIX века. В этой связи рассказ «Страх» рассматривается в сопоставлении с теми рассказами писателя, где слова «страх», «страшный» выносятся в заглавие. Особое внимание в статье уделено природе страха, обусловленного жизнью, что находит отражение в такой семантической составляющей концепта, как парадоксальность, которая свойственна и другим чеховским рассказам.

Ключевые слова: *А. П. Чехов, русская литература конца XIX в., доминантный концепт, страх, парадоксальность, художественный мир.*

О. К. Evdokimova

DOMINANT CONCEPT IN THE STORY OF A. P. CHEKHOV “FEAR”

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. This article is devoted to the story of A. P. Chekhov “Fear” (1892), and the focus is on the problem of studying the features of the artistic world created by the writer through the concept in its literary understanding. The article focuses on the “fear” concept as dominant in the analyzed work. The story “Fear” is not often considered in Chekhov’s studies, meanwhile this work expresses one of the prevailing moods of Chekhov’s time and, accordingly, the socio-psychological type of behavior that became characteristic of the Russian society at the end of the 19th century. The work presents the history of the issue in connection with the term “concept” and the story “Fear” in modern literary criticism. Special emphasis is placed on the content of the analyzed concept, which is fundamentally important for understanding the view of the world created by the writer in his prose works at the end of the 19th century. In this regard, the story “Fear” is considered in comparison with those stories of the writer, where the words “fear”, “terrible” are put into the title. In the article particular attention is paid to the nature of fear caused by life, which is reflected in such a semantic component of the concept as paradox, which is also inherent in other Chekhov’s stories.

Keywords: *A. P. Chekhov, Russian literature of the late 19th century, dominant concept, fear, paradox, artistic world.*

Введение. Область наших научных изысканий – художественное творчество А. П. Чехова, одного из наиболее востребованных русских писателей в современном мире. Его имя

не нуждается в специальном представлении: прозу и драматургию А. П. Чехова переводили и продолжают переводить на все языки мира, «театр Чехова» в широком смысле покорила мировую сцену, а история изучения творчества этого писателя начинается еще при его жизни [21], [22]. Заслуживает внимания и то, что творчество А. П. Чехова неизменно вызывает интерес в среде зарубежного литературоведения [14].

Наша статья посвящена актуальной литературоведческой теме, в рамках которой поставлена проблема изучения особенностей созданного писателем художественного мира посредством концепта.

Страх можно рассматривать как предмет художественного исследования в творчестве А. П. Чехова наряду с такими значимыми понятиями, как жизнь, счастье, любовь, красота, дом, сад, путь, скука, горе, тоска. В этом содержательном ряду «жизнь» выступает в роли универсального понятия, с которым в той или иной степени сопряжены все другие. В каждом конкретном произведении писателя есть свой доминантный концепт, но этот концепт неизменно реализуется во взаимодействии с универсальным для прозы А. П. Чехова концептом «жизнь». Вот далеко не полный перечень чеховских рассказов и повестей, на основе которых анализируется семантика доминантных концептов в творчестве писателя: «Горе» (1885), «Скука жизни» (1886), «Тоска» (1886), «Шуточка» (1886), «Красавицы» (1888), «Скучная история» (1889), «Палата № 6» (1892), «Черный монах» (1894), «Дом с мезонином» (1896), «Моя жизнь» (1896), «О любви» (1898) [5], [6], [11], [17].

Из всего многообразия чеховского творчества мы выбрали рассказ «Страх» (1892). Выбор этот сделан не случайно, поскольку данное произведение крайне редко попадает в поле зрения исследователей, а если и рассматривается, то в одном ряду с такими рассказами и повестями А. П. Чехова, где мотивы испуга, боязни, страха являются очевидными [3], [10], [22]. Отдельно в этой связи следует сказать о значимой для нашего исследования статье Т. Б. Зайцевой, в которой названный концепт рассматривается в качестве «одного из ключевых базовых концептов русской культуры» [6, с. 856]. Обращаясь к разным произведениям писателя, автор статьи утверждает, что «именно неопределенный страх (страх-тоска, страх-ужас, страх-отчаяние) становится ... ведущим переживанием, которое испытывают герои рассказов Чехова» [6, с. 857]. Так, в частности, при анализе рассказа «Страх» сделан акцент на страхе-ужасе, от которого, по мнению исследователя, «страдает» герой произведения [6, с. 858]. С данным утверждением нельзя не согласиться, однако, с нашей точки зрения, страх-ужас и страх жизни, о которых упоминается в работе Т. Б. Зайцевой, несмотря на безусловное родство, все-таки разные по своему семантическому содержанию понятия.

Мы считаем, что у рассказа «Страх» есть свой уникальный глубокий смысл. Раскрыть этот смысл, показать его актуальность в контексте творчества писателя – цель предпринятого исследования. В этой связи в центре внимания в данной статье концепт «страх», который отразился в названии и соответственно является доминантным в анализируемом произведении. Содержание доминантного концепта, его семантические составляющие позволяют раскрыть в прозе А. П. Чехова новые, дополнительные смыслы.

Как в лингвистике, так и в литературоведении существуют различные определения термина «концепт», а изучение истории вопроса свидетельствует о востребованности данного понятия в филологии и культурологии [1], [7], [18], [19]. По утверждению Д. С. Лихачева, концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека, а общность концептов, в свою очередь, лежит в основе культуры в целом [9]. Этой же позиции придерживается Н. В. Володина, подчеркивающая культурную значимость содержания концепта, его семиотичность и ментальную природу [2]. Поскольку у писателя и читателя имеется свой индивидуальный и общекультурный опыт, существенной характеристикой концепта в литературоведении

становится его диалогичность. Подобная особенность концепта всегда оставляет читателю возможность для домысливания, что в итоге расширяет значение опорного слова, позволяет выстроить контекстный синонимический ряд, отражающий языковую картину мира как выражение ментальной действительности [13], [15], [23].

Данный вектор научного поиска позволяет дать ответы на многие вопросы, связанные с неповторимой писательской манерой А. П. Чехова, которая постоянно находится в поле зрения современного литературоведения; научные подходы к ее изучению отличаются разнообразием. На примере конкретного произведения А. П. Чехова анализ концепта, расширяющего границы повествования, позволяет не только показать, какую роль играет страх в жизни конкретного человека, но и проследить эволюцию страха как доминантного настроения в обществе.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования определяется литературоведческим подходом к анализу концепта, что продиктовано необходимостью комплексного изучения творчества русских писателей XIX века, отразивших в своих произведениях социально-психологические типы поведения человека в разные исторические периоды развития России.

Материал и методы исследования. Материалом для анализа выбран рассказ А. П. Чехова «Страх» (1892). В данной статье с использованием сравнительно-сопоставительной методики литературоведческого анализа раскрывается идейно-художественный смысл концепта «страх», имеющего в творчестве писателя разные семантические составляющие. Для выявления структуры концепта применены методы стилистического анализа и аналогии, позволяющие выстроить контекстный синонимический ряд, что в значительной степени углубляет содержание работы, а также укрепляет доказательную базу принятого исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассказ «Страх» впервые появился в одном из номеров газеты «Новое время» в конце 1892 года. Незадолго до этого в журнале «Русская мысль» была опубликована повесть «Палата № 6» (1892). Произведения очень разные по сюжету, но в то же время удивительно созвучные по своей тональности. Как известно, в творчестве А. П. Чехова события не являются главными. Важно то чувство или настроение, которое испытывает герой: оно почти всегда сопряжено с томительным ожиданием чего-то лучшего в жизни. При этом ожидание героя строго индивидуализировано, отражает его внутренний мир, и вместе с тем косвенно выражает авторское отношение к герою. Передача подобного настроения у Чехова – едва ли не основной способ организации повествования, придающий его прозе какой-то особый доверительный тон. Заметим, что авторская индивидуальность нередко находит свое выражение именно в том, как выстраивается повествование, какие формы организации пространства и времени в произведении становятся главными. Так, например, у И. С. Тургенева это предыстория, столь характерная для его романов [16]. У А. П. Чехова это, скорее, внутреннее самочувствие героя, которое придает тайный смысл и необходимые оттенки всему произведению.

В рассказе «Страх» и повести «Палата № 6» организующим началом повествования является страх, который в обоих произведениях раскрывается как внутреннее состояние главного героя. Но если в «Палате № 6» страх – это одна из семантических составляющих целостного художественного мира, созданного автором, то в рассказе «Страх» – это основа всего повествования, концепт, который, начиная с заглавия, воплощается на разных уровнях художественного текста, прежде всего, сюжетно-композиционном и мотивно-образном.

Обратим внимание и на то, что в творчестве А. П. Чехова имеется не одно произведение со словом «страх» в названии. Это рассказы «Тысяча одна страсть или страшная ночь» (1880), «Страшная ночь» (1884), «Страхи» (1886) и, наконец, «Страх» (1892). Как видим, на протяжении всего творчества писатель неоднократно возвращался к вопросу о том,

что такое страх для человека. И если в начале творческого пути данное понимание выражено еще в характерной для раннего Чехова юмористической манере (чего стоят только фамилии героев в рассказе «Страшная ночь» – Панихидов, Трупов, Упокоев), то в 1890-е годы уже можно говорить о сложившемся представлении, полном драматизма и глубокого жизненного переживания.

Изображая современность, умонастроения времени, кризисное мироощущение русского человека на рубеже столетий, А. П. Чехов акцентирует внимание на одном из главных мотивов поведения человека – страхе, который может проявляться по-разному: от понимания страха, вызванного необъяснимыми явлениями и причинами, порой почти мистическими (рассказ «Страхи»), к осознанию страха как универсального состояния, обусловленного самой жизнью (рассказ «Страх»). Любопытно, что в изображении автора страх, рожденный непониманием, не может быть губительным, он скорее сопряжен с одиночеством человека, что само по себе тоже становится страшным. Так, в рассказе «Страшная ночь» читаем: «... когда я вокруг себя не видел ни одной живой души, не слышал человеческого звука, душу мою наполнял неопределенный и неизъяснимый страх» [20, т. 3, с. 139]. Или, например, в рассказе «Страхи»: «... ясно стало, что мною овладевает страх ... Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса, точно меня против воли бросили в эту большую, полную сумерек яму, где я один на один стоял с колокольной, глядевшей на меня своим красным глазом» [20, т. 5, с. 187].

В рассказе «Страх» понимание страха значительно углубляется: «страшна и жизнь» [20, т. 8, с. 131]. Главного героя одолевает болезнь, которой он сам находит определение: «Есть болезнь – боязнь пространства, так вот и я болен боязнью жизни» [20, т. 8, с. 131].

Как видим, страх в качестве мироощущения, способа взаимодействия с действительностью, в каком-то смысле образа жизни был не просто любопытен писателю. А. П. Чехов обращается к концептуальным жизненным представлениям, из которых, собственно, и складывается общая картина мира, воссозданная им в своих произведениях. Этот мир имеет собственное пространство и время, в нем фигурируют свои герои и анти-герои, действует система нравственных и общественных ценностей, и, конечно же, есть автор, чутко улавливающий даже оттенки эмоций и настроений своих современников. Неслучайно в литературоведении сложилось понятие «чеховское время», которое, с одной стороны, ассоциируется с кризисным мироощущением русского человека на рубеже XIX–XX столетий, а с другой – с представлениями о культуре, совести, высокой степени ответственности за свои слова и поступки, иными словами, об интеллигентности в ее глубоко русском, нравственном понимании [22]. В истории русской литературы это один из немногих примеров, когда не только время формирует творческую личность, но и сам писатель своим творчеством создает представление об историческом периоде и современниках, и потому каждая нота в мироощущении чеховских героев имеет особое звучание и значима [8].

Симптоматично, что таким мироощущением в анализируемом рассказе А. П. Чехова является страх. Симптоматично потому, что для чеховского героя, чей образ – это отражение своего времени, именно страх становится главной эмоцией, выражающей состояние души. В толковом словаре С. И. Ожегова слово «страх» в единственном числе объясняется очень просто: «Страх – очень сильный испуг, сильная боязнь» [12, с. 710]. Испуг как однократное действие или боязнь, протяженную во времени, испытывает герой Чехова? Ответ на этот вопрос фактически дан в заглавии. У произведения есть и подзаголовок – «рассказ моего приятеля». Отметим, что А. П. Чехов лишь в определенных случаях использовал данный прием, подчеркивая тем самым какой-то дополнительный смысл в повествовании. Так, если это рассказ «приятеля», то, скорее всего, рассказ искренний, в него можно верить, в нем не может быть наигранности и фальши. Последнее было осо-

бенно важно для писателя, в творчестве которого, как известно, нет места искусственности, нарочитости, так называемой литературности.

Сюжет произведения в целом прост. Герой – Силин Дмитрий Петрович – учился и затем служил в Петербурге, но в 30 лет вдруг бросил службу и занялся сельским хозяйством. Именно об этом периоде жизни героя и о своем странном přátельстве с ним рассказывает повествователь. Однако в простенькой, незатейливой истории о почти курортном романе постепенно появляются оттенки и мотивы, которые как бы транслируют читателю нарастающее напряжение. Так, одним из первых в этом ряду оказывается христианский мотив, обусловленный образом эпизодического героя по прозвищу Сорок Мучеников. Обратим внимание на то, что его предыстория дана подробнее, чем предыстория главного героя, и вряд ли это может быть случайным у Чехова. Сорок Мучеников – ничем не замечательная личность, имеющая, по словам повествователя, «странное прозвище». В христианской житийной литературе известно житие сорока мучеников, подвергшихся пыткам, но не отказавшихся от своей веры. Любопытно, но именно с образом эпизодического героя сопряжено появление христианского мотива, что в целом для А. П. Чехова не столь характерно. Тем не менее в данном контексте этот мотив как бы задает вектор всему повествованию, потому что и в том и в другом случае речь фактически идет о человеке, сумевшем или не сумевшем преодолеть себя и свой страх. В результате ассоциации с житийной литературой невольно распространяются на так называемый «рассказ приятеля», а любовное приключение одного героя раскрывается как жизненная драма другого. В этой драме преобладающим чувством становится не любовь или ненависть, ревность или обида, а страх. Причем страх в произведении понимается достаточно широко и с разными оттенками: жизнь и загробный мир («наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны»), «страшны видения, но страшна и жизнь»), счастливая, с обывательской точки зрения, семейная жизнь («изо дня в день отравляю себя страхом», «мне все страшно»), обыденщина в понимании главного героя («мне страшна главным образом обыденщина, от которой никто из нас не может спрятаться»), окружающая героя ложь («мне страшно от мысли, что я до самой смерти не выберусь из этой лжи»). В итоге выстраивается контекстный синонимический ряд, который позволяет судить о целом восприятии жизни главным героем. Фактически вся жизнь для него – это страх, ползучий, всеохватывающий, которому нет конца. Именно в этом, может быть, и состоит трагедия: страх заполняет все вокруг настолько, что вырваться из этой пучины чеховскому герою уже не представляется возможным.

Возникает вполне естественный вопрос: а почему именно страх, что стало побудительным мотивом, из чего же все-таки рождается страх в рассказе? Вопросов, наверное, больше, чем ответов, но одно ясно – страх в рассказе А. П. Чехова ассоциируется прежде всего с жизнью, причем в ее разных, порой диаметрально противоположных проявлениях: от счастливой семейной жизни до загробного мира. С одной стороны, это Силин, остро чувствующий свой страх: «Мне все страшно» [20, т. 8, с. 131]. С другой – рассказчик, которому в определенный момент «стало жутко и страшно своего блаженного состояния» [20, т. 8, с. 137]. В этом же ряду и Сорок Мучеников, у которого свои основания бояться жизни и для которого тяжкие испытания вряд ли будут страшнее самой жизни: «Ну, жизнь! – проговорил он. – Несчастливая, горькая жизнь!» [20, т. 8, с. 137].

В логике чеховского творчества рассказ «Страх» ничем особенным не отличается. Здесь так же, как и в прозе писателя в целом, начиная с ранних юмористических сценок, жизнь изображается очень прозаичной, несобытийной, нередко пошлой, и в этой жизни нет места истинным чувствам и самовыражению личности, но именно такая жизнь и вызывает страх у главного героя. Вместе с тем подобный страх – это то, что отличает чеховского героя от многих других, это свойство человека думающего и, как ни парадоксально, равнодушного к жизни.

А. П. Чехов в свойственной ему манере не дает каких-либо прямых авторских оценок, он как бы препарирует страх, вызванный самой жизнью. Глубина и сила этого страха тем разительнее, чем обыкновеннее все то, что происходит с главным героем. Дмитрий Петрович Силин, пытавшийся кардинально изменить свою жизнь, по сути ничего изменить не может. И каким бы он ни был интеллигентным, по-христиански милосердным, страх не покидает его, потому что он, Силин (говорящая фамилия героя), бессилен перед жизнью и потому что он осознает это в полной мере. В финале рассказа происходит то, что, собственно, и должно было произойти, – рассказчик сообщает: «Страх Дмитрия Петровича, который не выходил у меня из головы, сообщился и мне» [20, т. 8, с. 138].

Так, в художественном мире, созданном А. П. Чеховым, страх как болезнь своего времени заражает все и вся вокруг, и, что действительно страшно, противостоять этой болезни чеховские герои не в силах: рассказчик уезжает из этих мест навсегда, Дмитрий Петрович живет по-прежнему со своей женой, и даже Сорок Мучеников остается в прежнем состоянии: «На козлах сидел Сорок Мучеников, уже успевший где-то выпить, и молил пьяный вздор» [20, т. 8, с. 138].

Финал рассказа более чем лаконичен, – это всего два предложения, которые рожают страх уже у читателя. Так реализуется диалогичность художественного концепта. Изображая страх частного человека – своего современника, А. П. Чехов приходит к серьезным обобщениям, которые не могут оставить равнодушным любого: захватывающий все и вся страх становится, как это ни парадоксально, нормой жизни: «В тот же день я уехал в Петербург, и с Дмитрием Петровичем и его женой уже больше ни разу не виделся. Говорят, что они продолжают жить вместе» [20, т. 8, с. 138].

Выводы. Таким образом, на примере рассказа А. П. Чехова «Страх» мы видим, что одноименный концепт в произведении становится выражением не только индивидуальных представлений автора о своем времени, но и выражением умонастроений эпохи, которые писатель обозначил лаконично, емко и выразительно в художественном плане. Одно из таких чеховских определений – «страх». Герой анализируемого рассказа, как и целый ряд других героев А. П. Чехова, пребывая в постоянном страхе, стремится спрятаться от жизни, но страх лишает его какой-либо активности. Так через страх и попытки его преодоления реализуется отображенный в произведении концепт, обладающий не только синонимическим пространством, но и совершенно определенным содержанием, где доминантной семантической составляющей становится парадоксальность, свойственная и другим рассказам А. П. Чехова [4, с. 106]. Данный смысл вытекает из всего содержания чеховского произведения, в котором четко обозначены два полюса: с одной стороны, жизнь, а с другой – страх перед жизнью. Именно парадоксальность этой дилеммы, заложенной в концепте, оставляет автору и читателю возможность для домысливания. Так возникает диалог авторского и читательского сознаний, в результате которого и рождаются новые смыслы, один из которых – преодоление самого себя, духовное раскрепощение, что является истинным содержанием не только рассказа «Страх», но и творчества писателя в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 256 с.
3. Долженков П. Н. Тема страха перед жизнью в прозе Чехова // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. – М. : Наука, 1995. – С. 66–70.
4. Евдокимова О. К. Художественный мир рассказа А. П. Чехова «Рассказ старшего садовника» // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сб. ст. всерос. науч. конф. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 104–111.

5. Евдокимова О. К., Ляпаева Л. В., Федяй С. В. Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX–XX вв. (А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. С. Артемьев) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 3(95) : в 2 ч. Ч. 2. – С. 50–58.
6. Зайцева Т. Б. Концепт «страх» в рассказах А. П. Чехова (к антологии «Художественные константы русской литературы») // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 856–861.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 261 с.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность : антология. – М. : Academia, 1997. – С. 28–37.
10. Мохаммед Наср ал-Гибали. Чувства боязни у героев А. П. Чехова // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. – 2011. – № 2(55). – С. 80–84.
11. Мясникова Т. С. Концепт «старый дом» в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином (рассказ художника)» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 34–38.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1975. – 846 с.
13. Павлова А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира // Филологические заметки. – 2009. – Т. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://goo.gl/yj1CSu>.
14. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / пер. с англ. О. Макаровой. – М. : Азбука – Атикус, 2014. – 784 с.
15. Романова Т. Н. Языковой образ фитонима герань (на материале русского и украинского языков) // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сб. статей всерос. науч. конф. – Чебоксары, 2014. – С. 136–144.
16. Сарбаи Л. Н. Предыстория героя в романах И. С. Тургенева как способ организации повествования // Филологические науки. – 1987. – № 1. – С. 63–66.
17. Сопова С. П. Мотивные составляющие концепта скука в повести А. П. Чехова «Скучная история» // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 43–47.
18. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
19. Фоменко Ю. В. Что стоит за термином «концепт»? // Вестник Омского университета. – 2004. – № 4. – С. 113–116.
20. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1974–1983.
21. Чехов А. П.: pro et contra: творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – нач. XX в. : антология / под ред. И. Н. Сухих ; послесл., примеч. А. Д. Степанова. – СПб. : РХГИ, 2002. – 1072 с.
22. Чехов А. П. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В. Б. Катаев. – М. : Просвещение, 2011. – 696 с.
23. Romanova T., Evdokimova O., Zaharova A., Ivanova A., Fedorova N. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences”. – Volgograd, 2019. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=41538246>.

Статья поступила в редакцию 14.09.2020

REFERENCES

1. Askol'dov S. A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost' : ot teorii slovesnosti k strukture teksta : antologiya / pod red. V. P. Neroznaka. – M. : Academia, 1997. – S. 267–279.
2. Volodina N. V. Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya. – M. : Flinta : Nauka, 2010. – 256 s.
3. Dolzhenkov P. N. Tema straha pered zhizn'yu v proze Chekhova // Chekhoviana. Melihovskie trudy i dni. – M. : Nauka, 1995. – S. 66–70.
4. Evdokimova O. K. Hudozhestvennyj mir rasskaza A. P. Chekhova «Rasskaz starshogo sadovnika» // Chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury : sb. st. vseros. nauch. konf. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2016. – S. 104–111.
5. Evdokimova O. K., Lyapaeva L. V., Fedyaev S. V. Koncept «sad» v russkoj i chuvashskoj literature XIX–XX vv. (A. P. Chekhov, I. A. Bunin, A. S. Artem'ev) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2017. – № 3(95) : v 2 ch. Ch. 2. – S. 50–58.
6. Zajceva T. B. Koncept «strah» v rasskazah A. P. Chekhova (k antologii «Hudozhestvennye konstanty russkoj literatury») // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2009. – № 2(24). – S. 856–861.
7. Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.
8. Kataev V. B. Literaturnye svyazi Chekhova. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1989. – 261 s.
9. Lihachev D. S. Konceptosfera russkogo yazyka // Russkaya slovesnost' : antologiya. – M. : Academia, 1997. – S. 28–37.

10. *Mohammed Nasr al-Gibali*. Chuvstva boyazni u geroev A. P. Chekhova // Vestnik KazNU. Seriya vosto-kovedeniya. – 2011. – № 2(55). – S. 80–84.
11. *Myasnikova T. S.* Koncept «staryj dom» v rasskaze A. P. Chekhova «Dom s mezoninom (rasskaz hudozhnika)» // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2016. – № 1. – S. 34–38.
12. *Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoj. – M. : Russkij yazyk, 1975. – 846 s.
13. *Pavlova A. V.* Yazyk kak istochnik svedenij o nacional'noj kartine mira // Filologicheskie zametki. – 2009. – T. 1 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://goo.gl/yj1CSu>.
14. *Rejfeld D.* Zhizn' Antona Chekhova / per. s angl. O. Makarovoj. – M. : Azbuka – Attikus, 2014. – 784 s.
15. *Romanova T. N.* Yazykovoj obraz fitonima geran' (na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov) // Chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury : sb. statej vseros. nauch. konf. – Cheboksary, 2014. – S. 136–144.
16. *Sarbash L. N.* Predystoriya geroya v romanah I. S. Turgeneva kak sposob organizacii povestvovaniya // Filologicheskie nauki. – 1987. – № 1. – S. 63–66.
17. *Sopova S. P.* Motivnye sostavlyayushchie koncepta skuka v povesti A. P. Chekhova «Skuchnaya istoriya» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2014. – № 2. – S. 43–47.
18. *Stepanov Yu. S.* Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. – 3-e izd., ispr. i dop. – M. : Akademicheskij proekt, 2004. – 992 s.
19. *Fomenko Yu. V.* Chto stoit za terminom «koncept»? // Vestnik Omskogo universiteta. – 2004. – № 4. – S. 113–116.
20. *Chekhov A. P.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. – M. : Nauka, 1974–1983.
21. Chekhov A. P.; pro et contra: tvorchestvo A. P. Chekhova v russkoj mysli konca XIX – nach. XX v. : antologiya / pod red. I. N. Suhij ; poslesl., primech. A. D. Stepanova. – SPb. : RHGI, 2002. – 1072 s.
22. *Chekhov A. P.* Enciklopediya / sost. i nauch. red. V. B. Kataev. – M. : Prosveshchenie, 2011. – 696 s.
23. *Romanova T., Evdokimova O., Zaharova A., Ivanova A., Fedorova N.* The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences”. – Volgograd, 2019. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=41538246>.

The article was contributed on September 14, 2020

Сведения об авторе

Евдокимова Ольга Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: evdokimova.ok@mail.ru

Author information

Evdokimova, Olga Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: evdokimova.ok@mail.ru